

Маргарита Южина

у Дагный отпуск

Маргарита Южина
удачный отпуск

«Маргарита Южина»

2009

Южина М. Э.

уДачный отпуск / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2009

Летний отпуск – прекрасное время, чтобы отринуть все рутинные заботы и наконец-таки взяться за устройство личной жизни. Тем более если вовсе не нужно ехать за океан, а достаточно лишь вернуться в маленький приморский городок, где Аня родилась и выросла и где находится ее любимая дача с палисадником, полным ароматных цветов. А еще – до сих пор живет мужчина, бывший и оставшийся ее единственной настоящей любовью. Так что прощай, суетный, пыльный Питер, и здравствуй, море, солнце и любовь!

© Южина М. Э., 2009

© Маргарита Южина, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маргарита Южина

удачный отпуск

Глава 1

Не те просторы...

– Мама! Ну так же нельзя! – чуть не ревела от возмущения Аня Мальцева, нарезая двадцать седьмой круг возле плетеного кресла. – А если б у меня... если б у меня на нервной почве что-нибудь отказало? Например, какие-нибудь ноги?!

– Какие-нибудь, это ты имеешь в виду задние или передние? – невозмутимо пошутила Зося Никодимовна, ее моложавая матушка, не отвлекаясь от зеркала.

На утро у нее имелись обширные планы, поэтому надо было выглядеть на все сто, а дочь со своими истериками совершенно ничего не хочет понимать.

– Нюся...

– Мама!! Я Анна! Анна Владимировна, а вовсе не Нюся! – топала ножкой строптивая дочь.

– Не спорь, я же лучше знаю, как тебя называла, – с той же ледяной непробиваемостью заметила маменька. – Нюся, лечи нервы. Я вот свои вылечила и теперь... Кстати, Нюсенька, расскажи: у тебя остался в Санкт-Петербурге нежный друг?

– Нет, мама! Никаких друзей – ни нежных, ни трепетных, ни разрывающих сердце! – мстительно проговорила Аня и хлопнула дверью, удалившись в свою комнату.

– Тем более... – пожала плечами перед своим отражением Зося Никодимовна. – Чего тогда зря волноваться... Нюся! Попереживай минут десять, а потом нам надо все обсудить!! Ты меня слышишь?! Господи, ну конечно же, ты меня слышишь, у тебя же намечалась проблема с ногами, а не с ушами... Нюся! Я тебя жду в столовой! Слышишь, Нюсенька?!!

Аня только заскрипела зубами и с силой плюхнула на голову подушку.

Аня никогда не видела своего дедушку Никодима Пафнутьевича Пузырева, однако он всегда представлялся ей человеком весьма романтичным. Будь это иначе, разве он назвал бы свою единственную дочь вычурным именем Зося? Но его дочурка – Анина мама – так влюбилась в свое имечко, что немедленно возомнила себя иностранкой, мечтала выйти замуж только за поляка и даже специально картавила лет до двадцати двух, чтобы все думали, будто у нее акцент. С польским замужеством не случилось – Зося Пузырева как-то необдуманно выскочила за соседа Володю Мальцева, но надеялась накопить денег и уехать в Польшу. Она даже дочку хотела назвать либо Гражиной, либо Бжичкой – на иностранный манер. Но, на Анино счастье, в ЗАГСе такие имена не регистрировали, и имя дочери дал отец. Без особенных изысков – Аня, – да и чего тут думать. Зося Никодимовна моментально переделала «Аню» в «Нюсю» и немного успокоилась. С Владимиром Мальцевым жизнь не сложилась. Он совершенно не понимал тонкой натуры Зоси Никодимовны, и им пришлось расстаться. Но Зося Никодимовна все же сумела так устроить свою судьбу, что вырастила дочку в достатке. Она и дальше могла бы организовать, чтобы Аня жила сытно, но Аня вдруг бросила институт, ухаженную маменькину квартирку и рванула в Санкт-Петербург. Зося Никодимовна чего только не делала, чтобы выдернуть Нюсеньку из Северной столицы, но, увы, безрезультатно. И тогда дама признала, что дочурка немножко подросла, и на некоторое время занялась собой. Вернее, даже не собой (себя она всегда содержала в образцовом порядке), а своей семейной жизнью. Она вдруг узрела, что в их главке давно имеется мужчина, который не сводит с нее томного взгляда, выполняет все ее прихоти и даже готов отправиться с ней в возжеленную Польшу!

Правда, пока только в длительную командировку, но ведь как это грело! И Зося Никодимовна поспешила расписаться. Но даже на свадьбу Нюся не смогла приехать. Только прислала огромный букет и здоровенную открытку: «Мамочка! Надеюсь, что этот девятый брак наконец станет для тебя счастливым и последним!»

Теперь Зося Никодимовна получила гордую фамилию Чушкина, стала любимой и горячо законной супругой Василия Степановича и в субботу отъезжала с мужем в Польшу. Конечно, до субботы надо было выкроить время, чтобы провернуть целую кучу бумажных дел, пробежаться по магазинам в сотый раз и обзвонить всех подруг с обалденным известием. Но все это Зосе Никодимовне уже не казалось таким невозможным, потому что она все же выудила Нюсю из далекого города. Дочь приехала. А Зося Никодимовна всего-то отправила телеграмму: «Нюся, доктор посоветовал написать завещание. Написала. Приезжай проверь ошибки. Твоя умирающая мать». И сработало ведь, а раньше чего только не придумывала!

– Мама! Ну разве ж можно так? – уже в который раз упрекала Зосю Никодимовну Аня поздно вечером, сидя на кухне и запивая чаем витые пирожные. – От твоей первой телеграммы я чуть с ума не сошла: «Соседи сдают меня в психушку, приезжай, выручай!», ладно я тогда Соньке позвонила, она мне все объяснила. Второй раз ты подписалась директором дома престарелых и просила привезти матери сменные простыни, в третий раз...

– Да что ты мне говоришь, все я помню... – недовольно морщилась Зося Никодимовна, стараясь выглядеть достойно. – В третий раз я писала, что подседа на иглу, в четвертый, что хочу устроиться стриптизершей, все я помню! Но мне же надо было как-то выковырять тебя оттуда!

– Зачем? Ну зачем, если я так хорошо устроилась и...

– Ой, не смей меня бога ради! – красиво всплеснула руками Зося Никодимовна. – Она там хорошо устроилась! И как там можно хорошо устроиться? Гастарбайтершей? Потолки красить?

– Мама! Я...

– Ах нет, прости, я ошиблась! – поправила безупречную прическу мать. – Ты устроилась на швейную фабрику! Вершина совершенства! Дочь Зоси Чушкиной – швея!!

– Да!! – Аня с грохотом поставила кружку на стол. – Да! И вовсе не на швейную фабрику, а на частную... швейную фабрику, а это большая разница! И я там не швея, а... а модельер!

– Кто-о-о-о? – недоверчиво сквасилась мать. – И что ты там моделируешь? Вытачки на простынях? Вы же только постельное белье шьете! Модельер она!

– Ну... не совсем модельер, но... в перспективе у меня великое будущее! – гордо дернула головой Аня. – Да, сейчас мы с Ленкой Гороховой и Валькой Тимошкиной снимаем квартиру на троих, но пото-о-о-ом...

Зося Никодимовна вдруг на миг забыла про прическу, про плавный изгиб ухоженных рук и даже про свое отражение в зеркале, она просто обняла дочку, притянула к себе и, как бывало раньше, когда Аня была еще ребенком, погладила по голове:

– Ну какая ты у меня еще маленькая дурочка...

– Мам, мне двадцать семь, – буркнула из-под ее руки дочь. – Ты, наверное, не помнишь...

– Все я помню, и в двадцать семь бывают дурочками. Ну скажи, зачем тебе снимать с кем-то квартиру на троих, работать там, где тебе вовсе не нравится, шить какие-то наволочки и пододеяльники, когда ты почти закончила институт, когда твое призвание – архитектура! И все это ты запросто можешь получить, не долбясь об стену лбом. Только в родном городе, а не там. И квартира! Здесь будут пустовать три комнаты после евроремонта, а она свои гроши кому-то отдает! И все потому, что ее манят белые ночи!

– Ой, а сама-то! – фыркнула Аня. – В Польшу едет, а там и белых ночей-то нет.

– Запомни, дитя мое... – выпрямилась Зося Никодимовна и снова поправила локон. – Нам с молодым супругом вовсе ни к чему белые ночи, нам бы чего потемней.

– Ну уж и с молодым! – снова не удержалась Аня. – Ему ж... ему уже...

– Пятьдесят семь, всего лишь, – дернула бровью маменька и наставительно произнесла: – А это для мужчины не возраст, это во-первых. А во-вторых... как супруг он еще молод, мы с ним всего месяц в законном браке. Так что... Да, а молодых мужчин у нас в городе нисколько не меньше, чем в каком-нибудь Петербурге.

Аня погрустнела. И зачем ей какие-то здешние молодые мужчины, если у нее там... Георгий... Жора... и имя-то какое – просто песня! Жора Зараев! И... и все у них должно сложиться хорошо, даже... даже несмотря на последнюю ссору.

– Эй! Ты меня не слушаешь? – удивленно захлопала накрашенными ресницами мать. – Я же тебе говорю: запасной ключ у Сонечки. Не забудь забрать. Она как раз в воскресенье приезжает. Отдыхала у своей матери в Сочи.

– Где? – не поняла Аня. – А тетя Ира в Сочи, что ли?

Зоя Никодимовна поморщилась:

– Ну с чего она в Сочах-то будет. Здесь она живет, на соседней улице, но только на лето перебирается на дачу. А Сонечка отправилась в Сочи, но, чтобы не тревожить мужа, сказала, будто у матери отдыхает! Ну она же не виновата, что Ира никак не хочет в Сочи перебраться! Помешалась прямо на этой даче. А переехала бы, так у девочки бы никаких проблем.

– Понятно, – понимающе кивнула Аня. – Сонечка не меняется.

– Ой, ну а чего ей меняться? Она, правда, немножко пополнела, но выглядит очень, очень хорошо! Вот в воскресенье приедет, сама увидишь.

Аня лежала под легким летним одеялом и вспоминала, какой Сонечка была раньше. Они дружили с ней с детства, но потом... Это ведь и Сонечкина вина в том, что Аня вот так все бросила – любимый институт, теплый маменькин дом, – собрала вещи и уехала в никуда, в далекий Санкт-Петербург. Мама, конечно, всех тонкостей не знает, но тогда Аня точно решила, что больше никогда не повернет голову в сторону бывшей подруги. Она даже не отвечала на ее звонки, а потом... теперь она даже рада, что так все случилось. Если бы не Сонечка, Аня бы никогда не встретила со своим главным мужчиной на земле – с Георгием.

С Сонечкой Барановой Аня была знакома еще до школы – еще бы! У них квартиры рядом: у Ани тридцать седьмая, а у Сонечки тридцать восьмая. Их мамочки, которые очень хорошо дружили, определили девочек в один класс. Подружки сидели за одной партой и первые два класса были неразлучны, как сиамские близнецы – Аня записывается на хор, и Сонечка через день рядом воет, хоть у той ни слуха, ни голоса; Сонечка записывается на теннис, и Аня через день тащится в секцию с ракеткой; Аня идет на лепку, и Сонечка покупает пластилин и глину. А уж про школу и говорить не приходится: все уроки – вместе, все сочинения – на одну тему, все задачки – одним способом. И как бы славно было, если бы все так и продолжалось, но... Девичью нерушимую дружбу в пух и прах разбил Вовка Перепелкин – первый хулиган и задира. Уже во втором классе он выделил из всех одноклассниц тоненькую светленькую Аню и только ей не мазал стул краской, только ей не пихал тараканов в парту и только в нее не кидался булками. Пухленькую темноглазую Сонечку такое неравенство оскорбляло до глубины души. Она даже сгоряча побила подружку портфелем возле подъезда. Правда, дома получила от матери по всей строгости и в этот же вечер притащилась мириться с кулечком «Мишек на Севере» – тетя Ира работала на кондитерской фабрике, и этого добра в их доме не переводилось. Вовку Перепелкина оставили на второй год, и ссора забылась. Тем более что любить безобразника Перепелкина Ане было не с руки: в отличие от троюродной Сонечки она всегда училась только на пятерки, ее кумиром был Знайка из «Приключения Незнайки», а заглядывалась она только на школьную доску. Предательство Сонечки забылось. Но в пятом классе история повторилась. На этот раз героем ее стал Леша Клоунов. Мальчишка ни на шаг не отходил от Ани,

просто ужас, до чего в таком возрасте мальчики падкие на отличниц и аккуратисток! Леша старался развеселить только ее и кривлялся возле ее парты. И тут на передний план выдвинулась Сонечка – стала таскать Лешке конфеты чуть не килограммами, и мальчишечье сердце сдалось под мощным натиском шоколада. Тогда Аня страдала. Сильно. Ей так нравилось, как Лешка изображал учительницу истории! И снова они с Сонечкой помирились, да и как же иначе – мамы им просто не разрешали ссориться. А потом был Витька Карнаухов, Максим с их двора, еще один Леша – уже из теннисной секции и, наконец, Данька Савушкин – умница-отличник. С ним Аня дружила весь десятый класс, он решал ей все контрольные, хотя она и сама их шелкала как орешки, но как чудесно сидеть над каким-нибудь логарифмом, касаться друг друга рукавами и тихонько шелестеть страницами! А потом вдруг – раз! – и встретиться взглядами! И неожиданно понять, что на фиг эти логарифмы кому-то сдались! И только из-за него Аня записалась на дополнительные по английскому, хотя и без того знала английский лучше всех в школе – мамочка не зря бредила заграницей. Но зато как славно было вместе с Данькой! Они сочиняли доклады «Ай лив ин Красноярск» и вдвоем возвращались домой поздно вечером! И это с ним однажды удрали от всех и уехали к Ане на дачу, а там, на старом чердаке, куда они забрались в поисках старой энциклопедии (не иначе!), Данька впервые ее поцеловал и, крепко треснувшись головой о деревянную низенькую дверь, признался, что любит, а потом зачем-то добавил, что чердаку требуется ремонт. И именно там, на даче, она пообещала ему сделать этот ремонт собственными руками, потому что, как выяснилось, тоже любит его. Савушкин был одним из самых стойких – против Сонькиных чар держался около года. А ведь что она только не делала: и дразнила их с Аней, и Зосе Никодимовне невесть что плела, а потом, когда поняла, что все бессмысленно, пошла другим путем – стала сама назначать свидания Даньке, поджидала его у подъезда, вцеплялась в его руку и тащила куда угодно, только бы он не встретился с Аней. И, в конце концов, перед самым выпускным, Аня все же увидела их в подъезде. Целующимися. Это был удар! Аня даже не пошла на выпускной, долго не появлялась на улице, чтобы не встретиться с Сонькой или с Данькой, а на экзамены ходила только с мамой. Но и это прошло. Затянулось. Потому что появился Андрей – парень, с которым Аня познакомилась на остановке. Он просто проходу Ане не давал, но... но потом куда-то пропал, а тетя Ира доверчиво сообщила Зосе Никодимовне, что у ее дочурки появился новый воздыхатель, звать Андреем и вообще – мальчик из очень приличной семьи. От обиды Аня долгое время с Сонечкой не общалась. А та вела себя как обычно – весело болтала при встречах, навязчиво приходила в гости и хвасталась новыми платьями. Но в последний раз чаша переполнилась. Аня поступала в архитектурный институт, она была уверена, что поступит – не зря же столько времени ездила в этот самый институт на подготовительные курсы. Но и Сонечка направилась туда же!

– А ты с чего? – не могла понять Аня. – Ты ведь рисовать не умеешь! И вообще там черчение – главный из предметов, а ты циркуль от линейки не отличишь.

– Но ведь ты мне поможешь, а? – по-собачьи заглядывала в глаза подруге Сонечка. – Ну куда я тогда поступлю-то?

– Да зачем тебе в институт? – не понимала Аня. – Тем более в архитектурный! Это не твое призвание. Твое призвание – мужики! Замуж выйдешь и...

– Так я про что? – тарасилась Сонечка. – Я там поучусь-поучусь, а потом выйду замуж за однокурсника. Ты только представь: у меня будет муж архитектор! Это ж... это ж... Можно подумать, ты за чем-то другим туда собралась!

– Ну скажешь... – до глубины души оскорбилась Аня. – Ты же знаешь – я давно хотела в архитектурный! Я... мне... Я дома буду проектировать!

– Вот и я тоже, – тупо закивала подруга. – А ты меня подготовь. И мама просит.

Мама не просто просила – она буквально не вылезала от Зоси Никодимовны и теперь приносила к чаю не только конфеты, но и сгущенку, сахар, масло и шоколад. И каждый раз тяжело вздыхала:

– Зосенька! Ну ты подумай: куда моя курица сможет поступить, если ей не поможет Нюсенька? Она с первого же экзамена вылетит! А Нюсенька с ней рядышком сядет, ей все напишет, ну и... Уж прочитать-то моя Сонька сумеет!

– А когда Нюсенька будет сама готовиться? – прищуривалась Зося Никодимовна, уплетая принесенные сласти. – Пока она твоей писать будет, по своему вопросу подготовиться не успеет!

– Ой, ну что ты такое говоришь! Да твоя умница уже в школе все подготовила! Зачем ей еще и на экзаменах готовиться?

В общем, соседским собранием было решено: Соньке поступать в архитектурный, а Ане всячески тому содействовать. И Аня в институт прошла сама. И протолкнула подругу. Сколько ж она потом из-за этого себе локти грызла!

Нет, начиналось все вполне безобидно – Аня усердно погрузилась в учебный процесс и долгое время даже не знала, сколько мальчиков в их группе. Нет, за ней кто-то ухаживал, ее куда-то тянули, назначали свидания и даже дарили пыльные астры, сорванные с институтских клумб. Но сердце ее было отдано архитектуре и на пылкие чувства не отвечало. Только на третьем курсе, когда половина девочек из их группы уже выскочила замуж, Аня вдруг оттаяла. Не только оттаяла, но и вспылала! Она полюбила. Да так, как никогда раньше.

Его звали Анатолий. Анатолий Бабенко. Он учился курсом старше, а возраст у него и вовсе был запредельным – ему было двадцать пять (поступал после армии). Так что вовсе не удивительно, что Толик казался двадцатилетней Ане взрослым, ответственным и вполне самостоятельным мужчиной. О, он был красив точно бог! А его искрометный юмор! А глаза с хитрым прищуром! По нему сходили с ума все девочки института, включая молодых преподавательниц. Аня столкнулась с Толиком в дверях аудитории, подняла глаза и... и пропала.

– Девушка! Ну надо же смотреть... – буркнул Анатолий, подбирая свои выпавшие тетради.

– А я... я смотрела, но вас не видела... раньше... – заворуженно пролепетала она.

И в ее глазах было столько восхищения и немного обожания, что парень усмехнулся.

– А теперь увидели, да? Ну и как?

– Ну вообще... – качнула головой Аня. – А зачем вы у нас учитесь? Вам в артисты надо, вас возьмут, вы красивый...

Парень онемел от такого откровенного признания. И это ему понравилось. Он немедленно назначил Ане свидание, вероятно, для того, чтобы еще послушать оды себе, любимому, но неожиданно выяснил, что Анечка одна из сильнейших учениц института. Такими подружками было грех бросаться, и он ее не бросил. По институту очень скоро прошел слух, что у Бабенко новая девчонка, и эта дурочка пишет ему курсовые, строит чертежи, строчит рефераты и вообще – даже диплом готовит. Она и в самом деле готовила диплом Толика к защите. А когда с дипломом было покончено, выяснилось, что Толик уже собирается переезжать из общежития... нет, не к Ане, а к Сонечке. Просто все время, которое Нюсенька прилежно просиживала над книгами, Сонечка тратила на то, чтобы женскими чарами околдовать красавца Бабенко. И то ли чары были сильны, то ли здесь сыграл тот факт, что тетя Ира переехала к мужу, а дочке оставила квартиру, но... но Толик предпочел Сонечку. Такого Аня перенести уже не смогла. Это что же – она будет каждый день видеть предателей возле своей двери или сталкиваться с ними в подъезде? Нет! И Аня бросила институт, собрала вещи и умотала в Санкт-Петербург.

Потом мама писала, что Толик с Сонечкой разбежались, и Софья даже вышла замуж, а потому Ане можно смело возвращаться домой. Но... Но переболевшее изменой сердце Анюты уже было занято другим.

Владели частной швейной фабрикой два брата – Борис и Георгий Зараевы. Борис – чуть помладше, Георгий – постарше. И оба холостые. Борис до сих пор еще ни разу не был женат, на фабрике его считали завидным женихом. И еще говорили, что повезет той девчонке, на которой он женится, потому как и состояние у парня недурственное, и руки золотые, и голова светлая. А главное – Борис Зараев был добрым и уж больно сердечным. В общем, по мнению всех работниц фабрики, Борису цены не было. Непонятным оставалось только, отчего же они все, как одна, не исключая и дам замужних, потихоньку прихорашивались, бросали взгляды в зеркальце, втягивали живот и выпячивали грудь как раз при появлении бесшабашного, безголового, разухабистого Георгия? Тот влетал в цех: неизменно в белых одеждах, руки в карманах, на устах – веселая улыбка, и понурый, унылый цех сразу наполнялся светом.

– Девочки мои, ну как? Слепили мне простынку на свадебное ложе? – весело спрашивал он, прожигая взглядом какую-нибудь раскрасневшуюся девчонку.

– А ты что, жениться собрался? – напрягались девочки.

– А как же, давно! Только вот невесту не могу выбрать – вас много, и все такие рукодельницы! Аж голова набекрень. Вот вчера Танечку выбрал, потому что больше всех плана сдала, а сегодня думаю – чего ж одну Танечку, если у нас тетя Клава вон как чисто все полы вымыла, правда ж, тетя Клава?!

– Ой, да ну тебя, балабол! Какая я тебе жена, когда у меня муж на диване валяется? – смущенно махала на парня тряпкой тетя Клава.

– Муж?! И еще на вашем диване?! – ужасался Георгий. – Ай-яй-яй, какая оказия! Что ж это я так пролетел?.. А с другой стороны – мы ж его и на другой диван перевалить можем. Какая ему разница, где в телевизор пялиться, точно, тетя Клава?

И так было каждый день – сегодня тетя Клава, завтра Танечка, потом Оленька, потом Мария Степановна из ОТК. После его ухода женщины судачили:

– Ох, и припадет кому-нибудь хлопот, когда женится. Вот Борис-то какой парень положительный, а этот... Ты, Анюта, не упusti своего счастья. Ох, и повезло девке!

Анюта не понимала своего везения, но женщины знали, что говорили: Борис, положительный до зубовного скрипа, с первого же дня стал останавливать на ней свой печальный, грустный взгляд, краснел при разговоре и икал всякий раз, когда рядом оказывалась Аня. Ни у кого не было сомнения: Боря влюбился. И Ане, конечно же, крупно повезло – сейчас девка выскочит замуж за Зараева-младшего, получит все его состояние да еще и петербургскую прописку, плохо ли? Но Аня не собиралась за Бориса замуж, она, как и все, не сводила глаз с его старшего брата. А тот... а тот ее будто бы и не замечал вовсе. Даже в шутку никогда о ней не упомянул, даже нарочно не останавливался возле ее машинки, и Анечка всерьез расстраивалась, что он и вовсе не помнит, что у них на фабрике имеется такая работница – Анна Мальцева. Неизвестно, как бы все разворачивалось дальше, если бы в один из дней к ним домой не появился Борис.

Они тогда уже снимали квартиру в складчину, на троих – Аня, Лена и Валя, все – работницы одного цеха. Когда девчонки увидели на пороге Бориса Зараева с цветами, то поняли все без слов – быстренько сослались на дела и убежали. И Аня осталась с Зарайским наедине.

– Аня... я вот... я долго думал... – краснел, заикался и мялся в коридоре Борис. Аня от растерянности даже не догадалась пригласить его в комнату. – Я знаешь чего... А чем я не муж?! – наконец выпалил он, будто в прорубь нырнул.

Аня изумленно пожала плечами и старательно закивала головой:

– Муж, чего ж не муж... А чей?

У Бориса опять начался приступ робости. Он тяжело вздохнул четыре раза, упер глаза в стену и пробурчал наконец:

– Вот и я говорю... Чего б тебе за меня замуж не выйти?

– Мне? – осторожно переспросила Аня. – А почему мне? У нас вон сколько девчонок на фабрике, и каждая прямо хоть сейчас... нет, ну если за вас совсем никто не хочет, я, конечно, подумаю, но... А хотите, я вас с Леной познакомлю, с Валею, а? Они хорошие девчонки...

– А то я их не знаю, – фыркнул Борис. – Я тебя люблю... давно уже. Как к нам устроилась, так я и... А ты чего, совсем замуж не хочешь?

– Нет, ну вообще-то я б сходила, но не за... но не сейчас же... надо подумать: это так неожиданно... Я вас и не знаю совсем... – начала лепетать Аня, стараясь не встречаться взглядом с влюбленным начальством. – Ну-у... если подумать... А чего – вы ухаживать за мной совсем не будете, да? Ну, чтобы цветы, театры...

– Так если ты меня не любишь, чего тогда... – с непониманием посмотрел на нее Борис.

– Так правильно! Как же я вас полюблю, если и не знаю вовсе! Надо же... мне с вами познакомиться!

С грехом пополам молодые люди договорились немножко познакомиться, то есть посетить Эрмитаж, сходить в Ленком, а еще погулять по проспектам. А уж тогда... видно будет. На том и расстались.

В этот вечер Аня услышала от девчонок о себе столько правды, сколько ей не приходилось слышать за все годы сознательной жизни.

– Нет, ну надо же быть такой дурой, а? – негодовала Валя. – Мы все, как идиотки, возле этих машинок торчим, принцев Зараевских высиживаем, а этой – нате пожалуйста! Сам руку предлагает, а она капризы корчит!

– Ой, да не корчу я, – отбивалась от подруг Аня. – Просто, я как-то не могу...

– Ты еще про любовь вспомни! – дернула головой Лена. – Нам сейчас как раз за квартиру платить, очень настроение поднимет.

– Нет, ну знаете...

– Больная, – грустно констатировала Валя. – Лен, мы скоро вдвоем останемся – Аньку придется в дурку сдать. Ох и накладно за квартиру платить будет, ну а чего делать-то? Она ж недееспособна!

Но самое главное началось на следующий день.

Всю смену возле столика с ее машинкой крутился счастливый Борис и многозначительно косил глаза на свой карман – там покоились билеты на вечерний спектакль. А женщины – Анины коллеги по цеху – толкали друг друга локтями, кивали в его сторону и тихонько напевали частушку:

– Мо-о-ой миленок, как теленок, только веники жевать...

Борис изо всех сил пытался делать вид, что поют вовсе даже не про него, и не спускал глаз с Аниных рук – девчонка так наострилась с этим шитьем, ну любо-дорого смотреть!

А вечером, когда Аня бегом догоняла Лену, чтобы вместе отправиться домой, ее вдруг схватил за руку Георгий.

– Стой, – посмотрел он на нее такими темными, грустными глазами, что сердце сразу будто окатило кипятком. – Погоди... давай пройдемся...

Аня кивнула и молчком потопала рядом, незаметно поправляя волосы, которые были собраны в хвост (как будто не могла завиться и укладочку соорудить, вот точно – дура и есть!).

– Аня... – медленно проговорил Георгий, глядя на крохотные облачка. – Я знаю... Борис к тебе вчера приходил?

– Борис? Да! – честно кивнула Аня. – Но у нас с ним ничего не было.

– Я понял... – задумчиво хмурил брови Георгий. – Но... понимаешь... я не могу тебя отдать ему, понимаешь? Я... конечно, это дурь! Родной брат, я все понимаю, но!.. Но я...

я сам... В общем, ты, конечно, можешь отвечать ему что угодно, но... но вы меня хотя бы предупредите заранее, если соберетесь расписываться, я... уеду.

– Зачем? – распахнула глаза Аня. – Куда это ты уедешь?.. Вы... куда это вы... уедете? И зачем? И почему все вдруг решили, что я обязательно побегу расписываться?! И вообще!!

Аня не знала, как себя вести. С одной стороны, Георгий будто бы признался в любви, но с другой... не может быть!! Этого просто не могло быть! Он никогда на нее не смотрел, никогда с ней не говорил, даже не оборачивался в ее сторону, и вдруг!

– Я понимаю... – все еще говорил Георгий, упрямо глядя себе под ноги. – Я старше тебя на восемь лет, и... Борька, он как раз тебе ближе... И я с собой боролся, думал, пронесет, но...

– Не пронесло? – с сочувствием спросила Аня, но тут же поправилась: – В смысле... а что с вами случилось-то?

– А ты не знаешь, да?

Он вдруг остановился, с силой схватил ее за плечи и резко повернул к себе. Его глаза были близко-близко, возле виска у него темнела маленькая родинка, и как же Аня раньше ее не видела? А от волос пахло совсем не перхотью, а настоящим, французским одеколоном. Ну просто... просто... Ух-х-х-х... сердце зашлось, и голова куда-то...

И у них начался роман. Боже! Какой у них начался роман! Правда, они встречались не так часто, как им того хотелось, – встречи происходили в комнате Ани, и надо было куда-то девать девчонок, но... Но когда они встречались...

И в это самое время пришла телеграмма от маменьки! Вот, видите ли, бросай все и лети домой проверять ошибки в завещании!! У Ани чуть ноги не отнялись! Приехала, и что? Маманя и вовсе решила, что дочурку надо оставить здесь! И чтобы никакого тебе Санкт-Петербурга, никакой фабрики, съемной квартиры и, конечно же, никакого Георгия Зараева!! Ха! да только маманя уедет, Аня сразу же сдаст квартиру в аренду, а сама...

А что? Кратковременная разлука для них с Георгием, пожалуй, полезна – Ане даже стало интересно проверить свои чувства. Правда, Георгий чуть насупился, и они с Аней немного повздорили – начальник настаивал, что работнице сейчас уезжать совсем не сезон, а работница, то есть Аня, тыкала ему в нос мамину телеграмму и плакала навзрыд. И он пал. Бегал, дергал бровями, сопел от ревности, но все же справился со своими чувствами и со вздохом произнес:

– Если через десять дней тебя не будет, так и знай – уволю!! А потом сам уволюсь и прямо к тебе! Не забывай: у меня все твои паспортные данные есть.

Сейчас Аня представила лицо любимого, улыбнулась, сладко зажмурилась и уткнулась в подушку.

В субботу утром уехала мама, и не успела Аня как следует освоиться в своей квартире, насытиться одиночеством, как в дверь настойчиво застучали.

Аня не ожидала гостей. Да и никто из бывших друзей не знал, что она приехала. Она поправила волосы и осторожно спросила:

– Кто там?

– Это ты там, а я здесь!! – отозвался знакомый голос.

Конечно же, это была Сонечка.

– Сонька!!! – обрадовалась встрече Аня. – Ну... какая прямо хорошенькая стала!

– Да толстая и все!! – смеялась Соня и вертела Аню во все стороны. – Ну а ты-то!.. А чего, сейчас там такие платья носят? Ну обалде-е-е-ть! И вот такие прически? Ну с ума сойти-и-и!

– Ну какие прически, это ж я так только хвост дома завязала и все, чего ты... – отмахивалась Аня. – И платье у меня домашнее, старое еще.

– Ну ты ващ-щ-ще... А худая какая! Слушай, ты на какой диете сидишь? На диете жокея? А я вот не могу с собой бороться, хоть ты что! Сидела на кремлевской, но не помогло, хоть бы килограмм сбросила! А ведь все правильно делала: мне сказали, что там все можно, ну я

и лупила все, что в рот полезло. И еще на цветной диете сидела, только у меня не получается. А у тебя? Получается?

Аня только замахала на нее руками – ну какая диета, когда денег на разносолы попросту не бывает!

– Ой, Нюска! Как классно, что ты приехала!! Слышь, ты замуж не выскочила?.. Не отвечай, сама вижу – незамужняя. Но ты не парься – мы тебе такого мужичка отхватим-м-м-м!.. Да! Я к тебе чего пришла-то... – вдруг вспомнила Сонечка. – Пойдем, я тебя с мужем познакомлю. Ну чего боишься? Ты ж его знаешь!

– Дай хоть расчешусь, – вытаращилась на подругу Аня, – чего я, прямо так, что ли, пойду?

– А чего? – фыркнула Сонечка. – Я ж тоже не из парикмахерской. И потом – зачем тебе чесаться? Можно подумать, ты головой полы мыла. Пойдем, не тормози. Я как раз с отпуска бутылочку винца привезла – рюмку оближешь!

Аня все же влезла в джинсы, мимоходом глянула на себя в зеркальце и выскочила из квартиры вслед за подругой.

Квартира у Сонечки была уже не та. Нет, конечно, и стены, и потолок остались прежними, однако все остальное поменялось кардинально – дорогие обои, великолепные шторы, мебель явно не копеечной стоимости – везде ощущались хоть и не шальные деньги, но весьма прочный достаток.

Сонечка сразу же отправилась знакомить Аню со своим уютным гнездышком.

– Вот, смотри! Здесь у меня кухня! Классная, да? Итальянская, два месяца ждали, пока придет. Представляешь, мы даже специально стену сдвигали, чтобы она вошла! – сверкала глазами подруга. – А шторы я уже здесь брала, у нас в «Текстиле». Скажи – хорошо подходят!.. Пойдем, ты еще нашу спальню не видела!.. А это кабинет... – И она открыла дверь в маленькую комнату.

В комнате спиной к ним сидел человек, быстро щелкая клавиатурой компьютера. При появлении подруг он оторвался от монитора, обернулся и... и радостно протянул:

– Анька-а-а-а...

– Ого! Савушкин! А ты что здесь делаешь? – искренне обрадовалась встрече с одноклассником Аня.

– Ну ты, Мальцева, даешь! – накинулась на нее Сонечка. – Что значит «что делаешь»?! Муж он мой! А что делает... да черт его знает, что он там по этому Интернету шарится... Савушка! Какого лешего опять в нете завис?! Не видишь разве: гости у нас! Иди, накрой чего-нибудь на стол... Пойдем, Аня, я ж тебе еще спальню не показала.

Аня во все глаза пялилась на старого друга и не узнавала его. Бывшая гордость школы, аккуратист, прилежный ученик, когда-то исключительно подтянутый Данечка, сейчас сидел взлохмаченный, с щетиной на скулах, в вытянутых трениках и совершенно не вписывался в Сонечкин домашний интерьер. Аня представила рядом со своей бывшей любовью Георгия и облегченно вздохнула: господи, неужели она когда-то страдала из-за этого вот человека? И вправду, лучшее лекарство – перемена мест.

А Сонечка, по-куриному закатив глазки, уже нахваливала роскошную кровать какого-то иностранного производства.

– Сонь, а чего он у тебя, пьет, что ли? – тихонько спросила у подруги Аня.

– Пьет? Ты про кого? – спустилась на землю токующая Софья и, догадавшись, засмеялась, весело закинув голову. – Это ты про Савушку, что ли? А-ха-ха! Да ну тебя – пьет! Это он... он программист, причем очень и очень неплохой. В смысле – зарабатывает прилично. Я ж нигде не работаю, а он... Ну пойдем дальше, я тебе еще не показала, как из балкона сделала зимний сад. Ну места, конечно, не хватает, я все жду, когда мы загородный дом достроим. Все уже к завершению подходит, но ты же знаешь этих строителей!..

Через несколько минут, когда Сонечка уже протащила подругу по всей квартире, они усаживались за стол.

На кухне суетился Савушкин.

– Ой, ребята, ну надо же: вы – семейная пара! – фыркала Аня в кружку. – С ума сойти!

– Нет, а чего ты смеешься? – ничего не понимала Сонечка. – Тебе что, тетя Зоя не говорила?

– Ну, она говорила, что ты вышла замуж, но за кого... – Аня призадумалась – а может, мама и в самом деле говорила, но только Аня забыла? Ой, да они с Георгием... с Жорой и про себя-то не помнили, какая уж там Сонечка!

Помнится, Жора купил билет на выходные в какой-то загородный дом отдыха. Они собирались удрать от девчонок, на двое суток завалиться в номер, и чтобы ни один человек не мог им помешать! И уехали. Самое интересное, Жора тогда заблудился, выехал черт-те куда, и в конце концов они оказались в чьей-то развалюхе-сторожке. Все бы хорошо: зачем влюбленным дом отдыха, когда так славно вдвоем. Но только очень кушать хотелось, а потому Жора страшно нервничал, беспокоился за Аню и постоянно терзал свой телефон. Но, как и полагается в таких случаях, тот был нем, как Герасим. Самое удивительное, что их обнаружил... Борис! Нет, не случайно обнаружил, а искал специально, потому что, видите ли, позвонил брату, чтобы узнать, как доехали, но тот оказался недоступен. Тогда настырный Боря позвонил в дом отдыха и узнал, что Георгий с Аней к ним не приезжали. И вот тогда любящий братец кинулся на поиски. И ведь нашел же!

– Нюська! Ну ты совсем, что ли, уснула? – толкнула ее Сонечка. – Я ей говорю-говорю, а она... Савушка! Ну чего ты сидишь? Иди уже к своему компьютеру! Нет, ты, Нюська, посмотри! То от монитора не оторвешь, а то с кухни вытолкать не могу!.. Что же ты на нее уставился?! У нее муж есть, так что даже не мечтай, правда же, Нюсь?

Аня покраснела и не смогла сдержать довольной улыбки. Надо же: Жорка – муж! А как бы здорово...

– Да нет, у меня не муж, – счастливо сверкнула она глазами. – Но... очень дорогой мне человек, я его люблю, он меня тоже, ну и... очень скоро хотим пожениться!

– Вот, видал? – рявкнула на мужа Сонечка. – Иди давай, нам посплетничать нужно!

Данил нехотя поднялся и поплелся в маленькую комнату. Аня проводила его взглядом. На миг ей стало жаль Даньку, переименованного теперь почему-то в Савушку.

Сонечка поймала ее взгляд и растолковала по-своему.

– Ой, и не говори: любит меня прямо как собака... своего хозяина, – горестно вздохнула она и принялась вспоминать: – Знаешь, Нюсь, он ведь меня чуть не силком в ЗАГС потащил, да-а-а... Ну ты ж помнишь, как он от меня в школе с ума сходил!

Аня крикнула – уж кому, если не ей, знать, КАК он сходил! Да Сонька на его шее, словно на турнике, болталась! За руку силой от Ани отрывала! И если бы не природная Анина гордость и если бы не Данькино интеллигентное воспитание, черт бы его побрал... то это бы Аня, а не Сонечка называлась Савушкиной! Нет, конечно, сейчас все отболело, и Аня даже рада, что тогда все так вышло, но Соньке лучше было бы промолчать – чего врать-то?

Но Сонька не молчала, а вовсе даже наоборот – щебетала без умолку, будто бы Аня пообещала ей заплатить за каждое слово.

– ...Сама же знаешь, у меня от парней отбою не было. Я бы еще погуляла, а мама все ноет и ноет: «Во-о-от, все твои подружки замуж вы-ы-ыскачили, одна ты-ы-ы не пришей кобыле хвост!» Ой, достала меня, прямо до мигрени! Ну, думаю, ты сама хотела! Ну и выскачила! За Савушку. Он к тому времени свой институт окончил, куда-то устроился о-о-о-чень хорошо и оказался каким-то перспективным, ценным кадром. Ну я и давай его охмурять... ну, в смысле,

соглашаться на его предложения. Даже однажды бутылку шампанского ему купила на радостях. Ой, ха-ха, он же пить-то совсем не умеет! Та-а-акой смешной был! Ну а я... конечно, вся из себя красавица, платьице новое надела... Я тебе не показывала свое платье? Ну то, которое по каталогу выписала? Нет?

– Сонька! Ну когда бы ты мне его показала, мы с тобой только сегодня встретились, – усмехнулась Аня.

– Ой, там та-а-кое пла-а-атье! – закатила глазки Сонечка, но потом быстренько выкатила обратно и продолжила душещипательный рассказ про их с Данькой женитьбу. – Значит, я вся такая в платье, такая вся на каблуках. Вырез – во, юбочка – во, ну ты меня понимаешь, да? А он... а куда ему деваться? Короче, так ему и пришлось... нам и пришлось в четверг заявление в ЗАГС тащить. Ну, чтобы не так, как сейчас принято, – живут вместе, а к кому потом все наследство перейдет, непонятно. Нет, у нас все по закону. И вот. Живем в любви и согласии уже три года... Правда, мы сначала с его матерью в одной квартире ютились, с Верой Павловной, но... Знаешь, она такая вредина оказалась! Бр-р-р!

Аня незаметно вздохнула – это ж надо, как летит время. А ведь и точно – уже три года, как она уехала в Санкт-Петербург. А получилось это так. Шла Аня по улице и вдруг встретила Маринку Мурину. С Муриной они жили когда-то в одном дворе, и даже вместе пели в хоре, и, хоть закадычными подружками не являлись – Маринка была старше года на три, поболтать всегда останавливались. И в тот раз тоже остановились.

– Анька! Привет! А ты куда? – весело спросила Марина.

– Привет, – буркнула Аня.

Тогда она только-только пережила предательство Толика Бабенко, бросила институт и решила, что жизнь кончилась. И по этому самому поводу никого видеть не хотела. Зачем? Начнут говорить, что все пройдет, что жизнь наладится, что... Да треп один.

Но Маринка не стала ничего спрашивать и утешать тоже не стала, и это было странно: все подружки и знакомые уже знали, что Аня ушла из института.

– Ну как у вас здесь? – беззаботно вертела головой Маринка. – Все по-старому?

– Где – у нас? – насторожилась Аня.

– Ну у вас? В городе!

– Пряма-таки «у вас»? – горько усмехнулась Аня. – А ты иностранка, да?

– Нет, не иностранка, – не обижалась Маринка. – Но теперь я жительница Санкт-Петербурга, ясно тебе? Замуж вышла! И вот – приехала в гости.

Аня не могла поверить и только тупо моргала. Но Маринка и сама все рассказала – так ее переполняли радостные чувства.

– Вот представляешь, поступала в театральный, прикинь! У нас здесь! Провалилась, это ж понятно, ну и... думала, как Анна Каренина – под поезд. А потом... у меня подружка, ну Инна, черненькая такая, вместе со мной училась, не помнишь? Ну, короче, она тоже провалила, в торговый поступала. Только я ее под поезд не уговорила. Она и предложила: «А чего мы здесь киснуть будем да под поезда кидаться? Поехали к моей тетке в Санкт-Петербург!» И мы поехали, прикинь! Тетка нас устроила на фабрику – пододеяльники шить. А чего? Фабрика частная, платят хорошо, мы и поехали. А потом, прикинь, я там с парнем познакомилась, и у нас свадьба была! А у него квартира в Петербурге! Ну классно же, да? Правда, в этой квартире еще и мать его проживает, но ничего! Мы с ней так славнo сдружились!

– Маринка... – пересохшими губами вдруг проговорила Аня. – Дай мне адрес той фабрики, а?

– А что, – уставилась на нее Маринка, – тоже хочешь? Поезжай. И вправду, чего здесь делать-то? А там, знаешь, какие там... погоди, я тебе сейчас нарисую, как найти эту фабрику,

и... и еще телефончик дам тамошний. Мы у той тетеньки сначала комнату снимали – она хорошая, не обманет. Позвони.

И Аня позвонила. И уехала. И тетенька оказалась в самом деле хорошей и... И с тех пор прошло уже три года.

Нет, она приезжала к матери, но ненадолго – частные владельцы большие отпуска не дают, и потом – они же тогда с Жорой не были так близко знакомы! Хотя... хотя уже в ту пору он ей жутко нравился.

– Ну и чего ты? – снова толкнула ее под локоть Сонечка. – Опять не слушаешь! Рассказывай давай, как ты устроилась? Старика себе какого-нибудь присмотрела?

– Какого старика? – оторопела Аня. – Я ж тебе вот только что рассказывала: у меня хороший, красивый парень...

– Еще и богатый, скажи, да? – подмигнула Сонечка.

– Ну... как сказать «богатый»... Он владелец той самой фабрики, где я работаю.

Сонечка махнула рукой.

– Ой, сколько я тебя знаю, Нюска, ну нисколько не меняешься... И откуда у тебя ТАМ парень, а? Ты здесь-то, в этой деревне, ни одного возле себя удержать не могла, а уж там-то... Я ж понимаю, ты, как настоящая подруга, специально так придумала, чтобы нашу семью не тревожить.

– С чего бы мне приду...

– Да все хорошо будет, не переживай, – снова перебила Сонечка. – Я, знаешь, тебя с отменным мужиком познакомлю! Есть у меня такой на примете! Дантист. Прикинь, всегда с новыми зубами будешь! Он сам, представляешь, уже дряхленький весь, а на зубы глянешь – картинка!!

– Да перестань ты мне стариков... – возмутилась было Аня.

– Тихо ты! Чего кричишь? – шикнула на нее Сонечка. – У нас же еще Савушка дома, ты забыла? А ему про наши девичьи секреты и вовсе знать ни к чему... Давай рассказывай, как там цены? Продукты сильно дорогие? А тряпки? Слушай, а иностранцев много?

И Аня переключилась на иностранцев.

Сидели они долго. Аня рассказывала и про Питер, и про своих подруг, и про фабрику – новостей было много. Да что уж новостей, ТАМ у Ани была совсем новая жизнь!

Едва Аня принеслась домой, как тут же бросилась к телефону.

– Алле! Георгий?! – радостно задыхаясь, прокричала она в трубку. – Как ты там без меня?

– Аня? Ну наконец-то! А я звоню-звоню... – раздался в трубке знакомый голос. – Куда ты подевалась-то, малыш?

– Жо-о-о-рочка, – маленькой девочкой заканючила Аня. – Я у соседей была, ненадолго вышла. А мой телефон, ты ж знаешь, он такой старый, у него что-то там отваливается, отходит, совсем ни фига не берет.

– Ой-й-й-й, какая... Это ты специально себе новый не покупаешь, чтобы было на что сослаться, а сама, наверное, с кем-то... Ой, уведут девку, ой уведу-у-у-т... – неизвестно кому пожаловался Георгий. – Я тебе пришлю телефон! И только попробуй, только не возьми трубку! Ну что у тебя с матерью-то?

– Представляешь, сегодня отбыла! Пока еще не звонила, как добралась, а мне бы ее звонка дожидаться...

– Дождись, отдыхай пока, – смиловился Георгий. – Тем более я тут один договор заключать еду, аж на две недели в командировку, представляешь! Куда-то... где же у меня написано? Короче, то ли в Таджикистан, то ли в Казахстан, а то ли в Германию!

– Ха! Совсем одно и то же! – засмеялась Аня и услышала, как потеплел голос любимого.

– А мне без тебя что Франция, что деревня Задрипоновка, одинаково... Я так скучаю...

И все! И мир перевернулся! И оказалось, что в жизни вовсе и не нужны никакие квартиры, никакие соседи и старые возлюбленные. Аня и раньше об этом догадывалась, но сейчас, когда ОН так далеко, а Она здесь! Когда нет возможности немедленно прижаться к его щеке, а так хочется! Когда не видишь его глаз, а это так надо, так необходимо, что без них слепнешь, когда...

– Я тоже скучаю... – всхлипнула она. – Очень.

– Ну-ну, – ласково успокоил ее Георгий. – Всего каких-то две недели! Представь, что меня забрали в армию.

– На две недели? – сквозь слезы усмехнулась Аня.

– Да, а потом просто отпустят раньше срока.

– За хорошее поведение, да?

– Нет, не за хорошее, а потому что я просто высохну от тоски, – еле слышно проговорил Георгий и спросил уже лукаво: – Ты любишь урюк? Вот и получишь!

После разговора с Георгием Аня плюхнулась на диван и уставилась в потолок. И Сонечка еще предлагала ей какого-то старичка-дантиста! Да пусть она не верит, зато... зато Данька никогда не говорил ей таких слов, как говорит Георгий, Аня знает – Данька просто не умеет так говорить. И никогда не станет на Соньку смотреть так, как смотрит на Аню Жора. И никогда не обнимет так, как Жора, и никогда не станет так целовать! Никогда! И даже не потому, что Данька чего-то там не умеет, а просто потому... потому что они не любят друг друга. Создали семью, расписались, наверное, и платье белое, и машина в бантах, и гости, и «горько»... не было только любви, а без нее действительно горько...

На следующее утро Аня уже посмотрела на свою квартиру по-другому. Ну что, если Георгий в Питере нет, так и ей не стоит торопиться. Поживет здесь, хоть отьестся да выпится как следует, а уж потом они вместе с Георгием разберутся с фабрикой. Он же сам сказал: «Отдыхай». А то она приедет, а там придется смотреть в эти преданные глаза Бориса. Нет, лучше здесь – сама себе хозяйка. И потом – ну должен же у нее хоть раз за три года быть полноценный отпуск!

Аня закатала рукава и с удовольствием принялась за уборку. После отъезда маменьки большого беспорядка не осталось – Зося Никодимовна была страшной чистюлей, но все же хотелось блеска, белизны и сверкающих полов! А уж тогда!.. Тогда она завалится в ванную, нальет воды и напустит туда разной пены, будет благоухать и париться! А потом выйдет, вся такая разгоряченная, протопает босыми ногами по чистому полу, обставит себя всякой вкуснятиной и упадет в диванные подушки! И весь вечер будет смотреть... что же посмотреть? Надо хоть программу полистать, что ли... Ай, да и какая разница? Что-нибудь найдет. Но только сначала надо все убрать, вымыть и сбегать в магазин.

Не успела Аня все перемыть, как прибежала Сонечка. Подруга решила во что бы то ни было устроить судьбу неудачницы, а потому не могла ждать ни дня. Что называется, ни часу на ветер.

– Ньюска! Тебе повезло! – прямо с порога обрадовала она. – Виолет Афанасьевич освободил для нас день и ждет нас сегодня вечером в кафе «Метелица»!

– Ка... какой Виолет Афанасьевич? – вытаращилась Аня.

– Ой, ну до чего ты тугая! – поморщилась Сонька и даже ножкой потопала – так ей все надоело. – Я же тебе вчера говорила – дантист, который холостой, вдовец он, месяц назад похоронил свою старушку-жену, и теперь его надо брать, пока не увели. Я сегодня ему позвонила, и он согласился с тобой встретиться. Короче! Ты приходишь сегодня в «Метелицу» в девять часов, раньше не надо, это неприлично, а он...

– Да куда я не пойду! – дошло наконец до Ани. – На кой черт мне нужен старый дантист?!

– Ты совсем, что ли? – выпучила глаза Сонька. – Так молодой-то еще ничего не умеет, ему клиентуру наrabатывать надо, а у этого уже все готово! И деньги такие гребет – мама не горюй! И...

Аня категорически замотала головой:

– Ни-ка-ких сто-ма-то-ло-гов! И вообще – у меня жених есть!

– Ну! – как от мухи отмахнулась Сонька. – Где еще этот жених! А тут... В общем, Нюська, так и знай! Я не могу смотреть в твои грустные глаза старой девы! У меня сердце разрывается!

– Какая дева? С чего ты взяла? – растерянно хлопала ресницами Аня.

– Ты вот сейчас ерепенишься, а между прочим, у старых дев всегда плохое здоровье! – не слушала подругу Сонечка. – В общем, так – или ты идешь сегодня в «Метелицу» на свидание, или я его приглашаю к тебе... Во! А ты уже и убраться успела. Слушай, а может, и правда – к тебе, а?

– Не получится! – свела брови к переносице Аня. – Я сегодня не могу... Да я и вообще... к подруге я уйду!

– Это к какой же? – прищурилась Сонька. – К Ленке, что ли, Ефимовой?

– Точно! К ней, – подтвердила Аня и даже на минуточку подумала: а почему бы и в самом деле не смотаться к Ефимовой?

– Ха! Так она ж в деревню уехала! Она теперь у нас в деревне деток учит, понятно?

Лена Ефимова была когда-то их общей подругой, и Сонечка Лену знала великолепно.

– Да ты что?! – не поверила Аня. – И как она решилась? Она же...

– Не заговаривай мне мозги! – строго прервала ее Сонечка. – Значит, ни к какой ты Ленке не идешь! Ты увливаешь от свидания!

– Иду! – набычилась Аня. – Я ее сегодня на улице встретила, а она меня пригласила, понятно?

– Серьезно, что ли? – вытаращилась Сонечка. – Точно... она как раз на этой неделе собиралась в город приехать. Значит, приехала. Ну тогда что... вот черт, а? А ты не можешь к ней не пойти?

– Не могу, я через две недели уезжаю, не забывай, – напонила Аня.

– Ну вот так всегда, – расстроено хлопнула себя по бокам Сонечка. – Только-только найдешь хорошего дантиста... и дешевле бы получалось, а то мне уже верхний мост менять надо... Э-х-х-х! Из-за тебя одни растраты. Ладно, собирайся тогда...

Закрыв за подругой двери, Аня с облегчением выдохнула. Ну до чего упертая эта Сонька! Вот ведь как вобьет себе что-нибудь в пустую башку! Не-е-ет, надо быстренько сбегать в магазин, закрыться на все замки и никому не открывать – пусть думает, что она у Ленки, у Генки, у кого угодно, но только не тащит сюда никаких дантистов!

Аня быстро схватила деньги и выскочила за дверь.

Сначала она решила нырнуть в книжный магазин. Она вообще могла по книжному ходить часами, но только уже и сама забыла, когда такое было: то времени не хватало, то денег. А вот теперь, когда и времени уйма, и деньги найдутся, теперь она сможет себя побаловать!

Аня затормозила возле полок с новинками, и вдруг рядом с ней кто-то радостно воскликнул:

– Анька!!! Привет! А ты чего здесь?!

Аня вздрогнула от неожиданности, обернулась, и губы ее сами собой растянулись в улыбке. Рядом стояла Маринка Мурина! Та самая, которая когда-то отправила ее в Питер! Теперь они встретились как родные.

– Маринка! А ты чего это не в Петербурге, а? Ты ж почти коренная ленинградка теперь? – весело рассмеялась Аня.

– Да я к маме приехала. Сына ей привезла показать. У меня сын родился – Ромка! Такой хорошенький! Ой, а пойдем ко мне домой, а? Я тебе его фотографии покажу! Пойдем! Мама с Ромкой сразу на дачу удрали, а я одна дома. Поболтаем. Пойдем-пойдем, здесь недалеко.

И Аня с удовольствием отправилась к Муриной смотреть фотографии ее сынишки.

Они сидели уже который час, Аня пересмотрела все альбомы с краснощеким бутузом, который назывался Ромкой, оценила воздушное платье Маринки на свадебном фото и разглядела Маринкиного мужа – обыкновенный парень, с круглой рязанской мордахой, толстенький такой. А туда же – петербуржец! Не комильфо, надо сказать, совсем не комильфо. Уж Георгию-то в подметки не годится. Но Анечка прилежно похвалила выбор Маринки, и теперь они пили чай и болтали уже о своих общих знакомых.

– А как там Тамара? Все еще работает? – спрашивала Марина.

– А что ей сделается? Работает, – вспоминала Аня толстую тетку, которая все время кричала на работниц и курила исключительно сигареты без фильтра. – Только голос стал еще громче.

– Правильно, ей же надо показать, что она не даром свой хлеб ест, вот и орет, вроде как контролирует, – фыркала Маринка. – Зато если б ты видела, какая она со своим мужем зайка! «Юреська, рыбка моя, сю-сю-сю!» Пряма вся как балерина вокруг него – на носочках!

– Да ты что?!! – Аня никак не могла представить себе этого. – Она еще и замужем! – удивлялась она.

– А то! Леркиного мужика видела?

– А кто эта Лерка?

– Рыжая такая, вся в конопушках. Ну пуговицы еще пришивает, не застала, что ли?

– Не застала, – качнула головой Аня. – А Ольгу помнишь? Худоногову? Ушла, тоже замуж вышла – и привет. Правда, за своего, за кемеровского. Он приехал, забрал ее да еще такой скандал устроил.

– А как наши бабенки? – с интересом спросила Маринка. – Все так же по Борьке сохнут?

– По какому Борьке? – не поняла Аня.

– Здра-а-а-асте! По какому! По Зараеву! – вытаращилась на нее Маринка. – Ну ты что? У нас же по нему весь цех с ума сходил!

– Да ну тебя... – все еще не верилось Ане. – При чем тут Борька? По Зараеву сохнут, но только по Георгию.

– По Гошке?! – изумленно выпучилась Маринка. – Да ну на фиг... По Борьке сохли.

– Да с чего по Борьке-то? – начала раздражаться Аня. – Я еще понимаю, по Георгию – красавец, умница, язык подвешен, а Борька... Ни рыба ни мясо. Затюканный какой-то. Все время глаза в пол, слово боится сказать – кто по нему сохнуть-то будет?

– Ну что ты такое говоришь? – Маринка разволновалась так, что даже вскочила. Налила себе еще чаю и снова уселась. – Борька – он... Он такой... остроумный! Он же вообще – слово скажет, и весь цех до конца смены успокоиться не может! Он же... орел!! Осанка! Рост! Брови! Всегда наглаженный, выбрит! А Гошка – он же пьянь, прости господи! О-ой, в цех нарисуеться – ни петя ни рисовать! Ноги нараскоряку, язык заплетается, глаза мутные, тьфу, пакость! Борька его схватит и поскорее с фабрики, чтобы не позориться!

Аня слушала Маринку, распахнув глаза. Не верить ей она не могла – зачем Муриной врать, но и поверить, что ее Георгий пьет, заявляется на фабрику в эдаком непотребном виде... Да и не приходил он никогда пьяным! Она ж сама видела!

– Не знаю, – гордо дернула она головой. – Георгий сейчас очень приличный мужик, и по нему у нас весь цех сохнет, а вот Борька... да он даже мне предложение делал!

– Тебе-е? – заморгала Маринка. – С ума сойти... А ты?

– А мне Борис вообще никогда не нравился. С чего это я на него кинусь? – дернула плечиком Аня и сунула нос в кружку.

Маринка поднялась, обняла себя за плечи, и показалось, будто бы сейчас, в знойное лето ей вдруг на минутку стало холодно.

– Нет, Борис был красавец, зря ты так... да он и умница, каких поискать, и душа у него... – задумчиво говорила Маринка, глядя куда-то вдаль. – Он всегда приходил и шутил, к девчонкам задибался, но так, не обидно, а по-доброму...

– А потом он что – заболел, да? – открыв рот, слушала подругу Аня.

– Да нет, почему заболел... Знаешь, он меня однажды в зоопарк водил! Нет, у него ко мне ничего не было, просто я ни разу там не была, а он говорил: «Как это? Жить в Питере и не посмотреть на нашу живность?!» – ну и сводил... я тогда такая счастливая была... А потом... потом я увидела его с девушкой. Кстати, девушка его на тебя похожа чем-то, такая же тоненькая, беленькая... Вот тогда он счастьем лучился. Это так явно было. Мне наши тетки рассказали, что влюбился наш Борька и даже к свадьбе готовился. И уже день назначили, а она... прямо в ЗАГСе ему «нет» сказала.

– Почему?

– Да кто ее знает, – вздохнула Маринка. – Кто там будет рассказывать. Но... вроде как она с иностранцем познакомилась, он обещал ее вывезти за границу, в общем... Сломался парень. Как подменили. А Гошка...

– Да какой он тебе Гошка?! – не выдержала Аня. – Он – Георгий! Ну, в крайнем случае – Жора. И то только для близких.

– Да какая разница... Гошка – бабник жуткий. Да и девчонки у него каждый раз новые были... не фонтан девочки. Да и сам он... не дотягивал до фамилии, до зараевских ему далеко.

Здесь уж Аня не стала молчать. Нет, она, конечно, сочувствует Борису, но и о Жоре плохое говорить не позволит.

– Ну уж... – задыхаясь от негодования, проговорила она. – Не знаю, как там Борис, но Жора!.. Он всегда... Он такой подтянутый, такой... весь в белом! И вообще!.. И шутит!

Маринка только плечами пожалала:

– Ой, кто их там разберет. Батюшка их очень состоятельный дядька, может, чего-то и придумал – вылечил старшенького, кто их поймет. Может быть, и в самом деле, найдет Гошка кого-нибудь, полюбит и без пьянки своей жить научится...

Аня шла домой будто с каменной плитой на плечах – так ее давила неприятная весть. Неужели все это Маринка говорила про ее Жору? С ума сойти! И что теперь делать, если никак не хочется в это верить? Если Жора для нее светлый и чистый и весь в белом?

И вдруг пришла простая мысль: если не можешь верить – не верь! Маринка же сказала: встретится человек, надо думать – женщина, Жора ее полюбит и изменится! Вот Аня ему встретила, и он изменился, чего думать-то?

Чтобы эту спасительную мысль отметить и закрепить, а заодно окончательно успокоиться, Аня зашла в супермаркет (хорошо, что они работают круглосуточно, а то засиделись они с Маринкой!), накупила всякой вкусной еды, журналов и уже с чистой совестью подалась домой.

Глава 2

Муж мужем, а любовник нужен

Открыв дверь, Аня оторопела. У нее в квартире совершенно точно кто-то был. Она явно слышала женское хихиканье, сопенье и вообще какие-то подозрительные звуки.

«Ну, мамочка дает...» – подумалось Ане.

Вторая мысль была умнее: мамочка все же уехала не куда-нибудь, а в Польшу. Значит, в квартире был кто-то чужой.

Аня тихонько опустила пакеты на пол, нащупала рукой что-то металлическое и длинное и, стараясь не дышать, осторожно двинулась к спальне – откуда и доносились звуки. Добравшись до двери, она кошкой бросилась на выключатель, врубила свет и заорала срывающимся голосом:

– Руки вверх!!! Сейчас всех порешу! – И потом уже во всю силу легких завопила: – Помогите-е-е-е!!!

– Молчи, дура, что ли?!! – испуганно завопили в ответ.

И Аня увидела... Сонечку! Да еще в какой пикантной ситуации! И с кем?!! С бывшей институтской любовью самой Анны – с Толиком Бабенко, из-за которого Аня и уехала когда-то в Санкт-Петербург!!!

– Ох, и ни фиги себе... – охнула Аня.

– Анька?! Вот это встреча! А чего ты обувную ложку схватила? Бить меня будешь? Слышь, Сонька! А она меня еще любит! Я ж тебе говорил, что старая любовь не краснеет... не ржавеет! – невыразимо обрадовался Сонечкин любовник. – Анечка, а ты что, уже приехала из Питера?

– Нет, я еще там... – перебившись, фыркнула Аня. – Сонька, одевайтесь и выметайтесь! Совсем совести нет, ко мне этого урода притащила! Вот и волокла бы его к себе.

– Так там же... этот... Савушкин... – ничего не понимал Бабенко. – А он же... он же муж, вдруг ему не понравится?

– Да что ты?! Ну чего ему не понравится-то? Все мужья приходят в восторг, когда их жены по спальням с чужими мужиками бегают! – вздернула брови Аня. – А ты что, мужа стесняешься, да? О-бал-деть, какую мы совесть отравили!.. Сонька, даю тебе пять минут!

И Аня в гнев грохнула дверь.

Она только затащила сумки на кухню и стала выгребать все, что купила, а к ней уже нарисовалась влюбленная парочка. Сонечка стыдливо запахивала на груди Анин халатик, а Толик, боясь пропустить хоть словечко, притащился на кухню с джинсами и теперь скакал на одной ноге, пытаясь попасть другой в штанину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.